

Отец Андрей Колесников

«ПАПА, ПОЧЕМУ ТЫ МОЛЧИШЬ?», «КОГДА ТЫ ОТВЕТИШЬ МНЕ ОБРАТНО?», «Я ТЕБЕ НАПИСАЛА УЖЕ ТРИ РАЗА. С КЕМ ТЫ ТАМ?»

ДЕТИ вернулись с отдыха из Греции. Маша там была с классом уже второй раз, а Ваня, который только что с отличием окончил детский сад, — первый.

Регулярный рейс из Афин был набит в тот день детьми, а терминал С в Шереметьево-1 — родителями. Ваня, как потом мне рассказала учительница Маши, вышел из самолета последним, потому что потерял кроссовку, которую снял, конечно, пока летел. Уже все вышли из самолета, а он все искал ее и искал вместе с учительницей и завучем младших классов их школы. И в конце концов нашел все-таки — в полиэтиленовом пакете для мусора. Какой-то доброжелатель подхватил ее по дороге к выходу и оставил в этом пакете — в надежде, что если мальчик и найдет кроссовку, то по крайней мере не сразу. Ваня, впрочем, совершенно не выглядел расстроенным и даже ничего не рассказал про эту историю. Не потому, что не хотел расстраивать, а просто сразу забыл про нее.

Я был очень рад этому, потому что, отправляя его в это путешествие, надеялся, что он повзрослеет, что три недели зачтутся за три месяца — потому что слишком хорошо понимал: испытания в поездке со сверстниками ему гарантированы. Об этом любой из нас может судить по собственному опыту. А с другой стороны, никакой полной катастрофы не должно было случиться, потому что они поехали все-таки со взрослыми, и до крайностей дело не должно было дойти.

Не сразу, а только между прочим Ваня рассказал мне и о том, что два мальчика, с которыми он жил в одной комнате и которые были старше него на два года (каждый), в первую же ночь намазали ему лицо каким-то шампунем. Я удивился — мне казалось, что они все же воспользуются классической зубной пастой.

Но и эта история не произвела на него особенного впечатления. Очевидно, что он живет в мире своих собственных мыслей и фантазий и внешние раздражители не очень сильно на него действуют. Он, например, всю дорогу, пока мы ехали из аэропорта домой и пока Маша взахлеб рассказывала о прелестях лагерной жизни без родителей, слушал через телефон и наушники радио и только изредка транслировал очень громко с большой тревогой:

— Кризис нарастает... Индексы падают...

Я хотел попытаться успокоить его как мог, но тут он спросил меня:

— Папа, а что это за индексы?

Я понял, что не надо его успокаивать.

Немного больше меня расстроили слова-паразиты, которые он подобрал у двух этих мальчиков. — Папа, — спросил он меня, например, — а что такое пидер?

— Тебя кто-то так назвал? — холодно спросил я. И ярость моя тоже была холодной. И месть будет тоже.

— Нет, — сказал он. — Они друг друга так называ-

ли. Пидер и пидер. Я так и не понял. Это что-то вроде «друг»?

— Почему ты так решил?

— Потому что они же друзья. И потому что они меня так не называли.

— Нет, — сказал я, — это слово-паразит. Его надо забыть.

Я и сам понимал, что говорю чушь, что он его не забудет, даже если захочет. Но интересно, что я еще мог сказать?

Перед тем как они уехали на море, Ваня попросил меня записать ему в телефон хотя бы одну его любимую игру. Я нашел в интернете сайт с огромным количеством бесплатных игр и записал ему три. Он вспомнил об этом уже дома — и впился в них.

— А ты можешь мне еще что-нибудь записать, кроме «Тачек», «Монстров против пришельцев» и «Черепашек»? — жадно поинтересовался он.

— Конечно, — сказал я. — Выбери. «Ледниковый период-3», «Люди X: Росомаха»... Помнишь, мы смотрели?.. Все уже есть. Выбери.

— Ты мне все скачай, — сказал он. — Мне очень нужно.

И вот он уже третий день каждый вечер, как только я появляюсь дома, вскакивает, бежит ко мне и напоминает, что я должен записать еще пару игр и утром положить телефон на столик возле его кровати. Он признается, что просыпается, когда уже светло (то есть это может быть сейчас и в пять часов утра), нащупывает телефон, проверяет, полуоткрыв глаза, есть ли новые игры, и засыпает снова — уже с настоящим наслаждением.

— Ваня, — говорю я, — зачем тебе столько игр?

Он сначала не сознавался, но потом все же признал, что цель у него есть.

— Когда я приду в первый класс, — сказал он, — я на первой же перемене сразу устрой конкурс среди первоклассников — у кого больше всего игр в мобильном телефоне. И выиграю!

Поразительно, как он моментально осваивает одну игру за другой. Он погружен в них без остатка, весь-весь, и я понимаю, что он должен остановиться. Или, вернее, я должен его остановить. Но не могу, потому что слишком соскучился по этим детям за три недели и ни в чем не в состоянии им отказать. Если бы еще не этот ровный коричневатый загар по всему телу, если бы не эти их выбеленные то ли морем, то ли солнцем (а на самом деле и тем, и другим) брови и волосы, если бы не отчаянно-синие, просто какие-то сверкающие синевой глаза — у меня, может, и был бы шанс отказать им в чем-то. А так — нет, никакого.

Маша тоже получила много новых уроков в лагере. Так, она в совершенстве овладела искусством посылать эсэмэски. Это странно, потому что в Греции у нее не было телефона. Ну, значит, у кого-то был. И вот теперь она нашла жертву своего нового умения и терроризирует ее целыми днями. До вечера я получаю десятка три-че-

тыре. В них — вся ее жизнь. Я не буду их стирать. Она когда-нибудь прочтет их. «Ваня меня обещает! Сделай же что-нибудь!», «Папа, мы едем ужинать в ресторан с рыбами?», «Расскажи что-нибудь смешное!», «Я получила твой аникдод (это слово они явно не проходили в школе, и поэтому оно написано от всей души. — А. К.), это очень смешно. Расскажи еще что-нибудь смешное!», «Папа, почему ты молчишь?», «Когда ты ответишь мне обратно?», «Я тебе написала уже три раза. С кем ты там?».

Я несколько не устал от этого. Я не отвечаю ей, только когда совсем уже не могу. Я на самом деле очень соскучился.

Вчера утром у меня перестал работать телефон. Оператор рассказал мне, что мою SIM-карту и частично перезагрузили, и полностью, но в сети она, тем не менее, перестала регистрироваться. Он сказал мне, что, возможно, она просто износилась. Старела, значит, старела и вот так тихо, никому не сказавшись, умерла, даже не пискнув на прощание.

Мне звонили вечером, потом утром, но ведь SIM-карта в сети была не зарегистрирована. Таким образом, мне понадобился телефон. Хотя бы для того, чтобы я сам мог кому-нибудь позвонить до обеда, когда мне пообещали сделать новую SIM-карту.

— Ну что, дети, — сказал я Маше и Ване утром перед тем, как выйти из дома, — решайте, кто из вас отдаст мне свой телефон. Вечером верну. Другого выхода у нас просто нет, это честное слово. Ваня, не говоря ни слова, мгновенно встал из-за стола, обошел его, подошел ко мне на расстояние вытянутой руки — и вытянул руку и открыл ладонь. На ладони у него лежал телефон.

— Спасибо! — от души поблагодарил я его и пошел к выходу, подумав о том, что Маша, может, тоже отдала бы, да только не успела. И что-то все-таки заставило меня обернуться и посмотреть на Ваню. Губы его предательски дрожали, из глаз лились слезы. Но он молчал.

— Тебе он очень нужен, да? Много игр? — спросил я.

Я только сейчас начал понимать цену его поступка. Только теперь я осознал, что именно он сделал вообще без раздумий.

Он молча кивнул.

— Папа, он не может без телефона, — тихо сказала Маша. — Ты просто не знаешь. Ты же на работе. А я вижу. Он весь день с ним. Он его из рук не выпускает.

— Я еще радио слушаю, — промолвил Ваня.

Он не плакал навзрыд. Но слез стало еще больше. Они просто заливали его лицо.

— А как же я буду писать тебе эсэмэски? — спросила меня Маша.

— Полдня — перерыв, — сказал я. — Потом наверстаем.

— Только пусть он мне тоже даст радио послушать, — сказала Маша.